

03 1991

0

1

3

TY-19-241-82

8

2

ДИА СТУДИЯ
ИЛЬМ

08-3-336

А. С. ПУШКИН

СКАЗКА
О МЕРТВОЙ
ЦАРЕВНЕ
И
О СЕМИ
БОГАТЫРЯХ

Часть I

Дружникъ Е. Мещеряковъ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился.

И царица у окна
Села ждать его одна. ☐

Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, нида очи
Разболелись, гляючи
С белой зори до ночи.

Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.

Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.

Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.

Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,

Издавеча, наконец,
Воротился царь-отец. ❏

На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,

Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен.

Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица
Уж и впрямь было цорицо:
Высока, стройна, бело,

И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравно и ревниво. [5]

Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:

Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела.

С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи,

Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;

Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,

И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,

Поднялась—и расцвела
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.

И жених сыскался ей,
Королевич Елисей,
Сват приехал, царь дал слово,

А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираюсь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,

Перемолвилась с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»

Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;

Но царица всех милее,
Всех румяней и белее!»

Как цорицо отпрыгнёт,
Да как ручку захохнёт,
Да по зеркольцу кок хлопнет,

Коблучком-то кок притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врѣшь ты мне но зло!..»

Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне равной нет.

Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царица всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».

Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку

И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую

Под сосной оставить там
На съедение волкам...

Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И до смерти испугалась.

И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась.

И взмолилась: «Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Я пожалею тебя».

Не губи меня, девица!
А как буду я царица.

Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама пришла домой...

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.

Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
За невестой молодой.

Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,

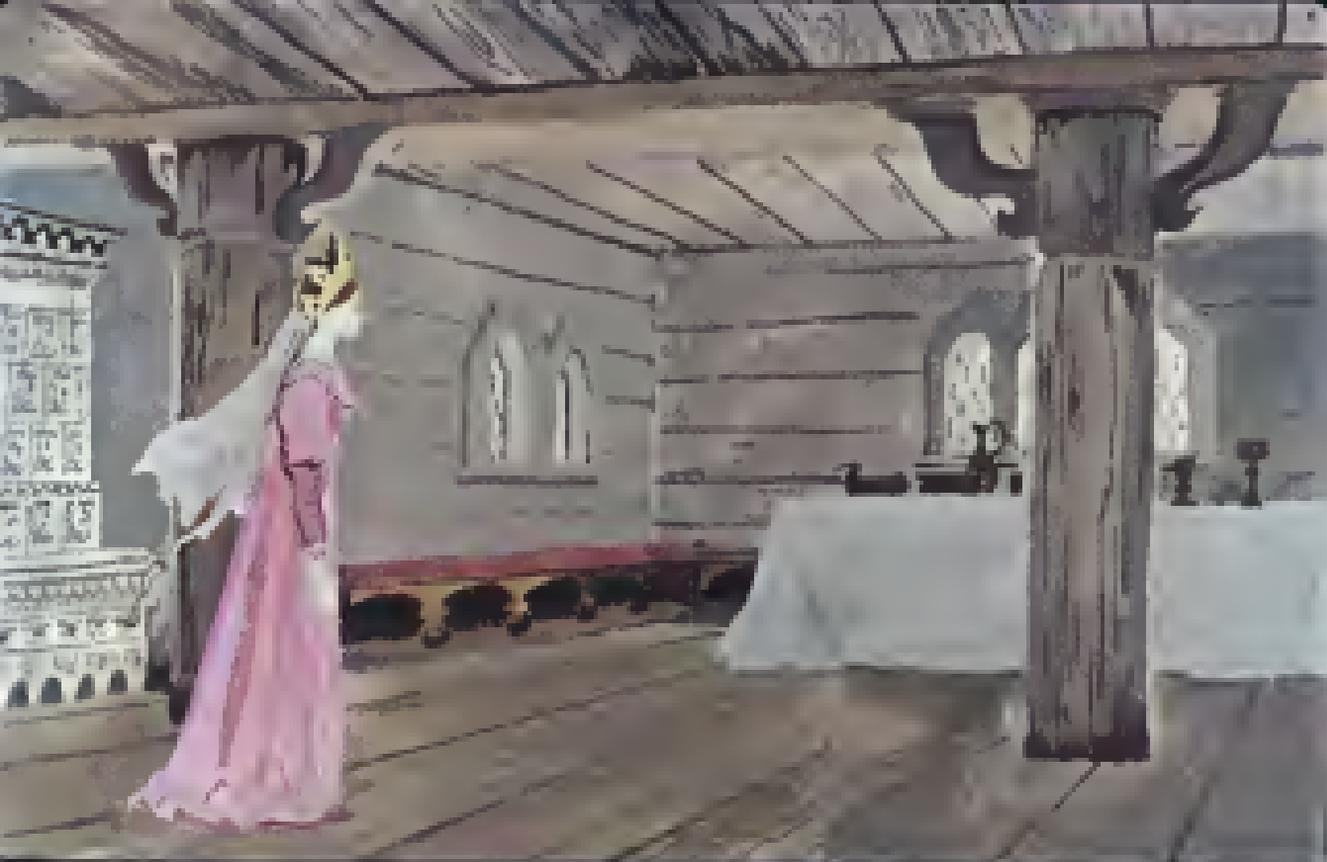
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла

И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя. 38

В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,

А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо; [8]

Дверь тихонько отворилась,
И царица очутилась
В светлой горнице; кругом

Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой. [87]

Видит девица, что тут
Люди добрые живут;

Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно. 100

Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,

Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:

Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.

Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.

Кто-то терем прибирал
Да хозяев подждал.

Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,

Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царица к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;

Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.

Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,

Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.

От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила

Да кусочек прикусила
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать... 35

День за днём идёт, молька,
А царевна молодая

Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей...

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;

Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:

«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,

Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».

И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела

Обмануть меня? и в чём...»
Та призналась во всём,

Тек и так. Цорица злая,
Ей роготкой угрожая,

Положила иль не жить
Иль царевну погубить.

КОНЕЦ, ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

© Студия «Диафильм»
Госкино СССР, 1982 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7
Цветной 0-80
Д. 87-82

08-3-337

А. С. ПУШКИН

СКАЗКА

О МЁРТВОЙ
ЦАРЕВНЕ

И

О СЕМИ
БОГАТЫРЯХ

Часть II

Иллюстрации Е. Мешков

Раз цареvна молодая,
Милых братьев поджидая,
Прела, сидя под окном.

Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица
Отгоняя пса.

Видит: нищая черинца
Ходит по двору, клюкой
«Постой,

Бабушка, постой немножко,—
Ей кричит она в окошко:—

Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе смесу». 4

Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко девица!
Пёс проклятый одолел,

Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Видь ко мне».

Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,

Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под наги—и лает,

И к старухе не пускает;

Лишь пойдёт старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. Что за чудо?

«Видно, выспался он худо,—
Ей царевна говорит.—
На ж, лови!»—и хлеб летит.

Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую,—сказала,—
Бог тебя благослови;

Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое

Прямо яблочко летит...

Пёс как прыгнет, завизжит...
Но царица в обе руки
Хватать—поймала.

И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,

Словно сердце пёсье ноет,
Словно хочет ей сказать:
«Брось!»

Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;

«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» —

И в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,

Под окно за пражу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко.

Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,

Так румяно, золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь.

Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла.

К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...

Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плад румяный уронила,

Закатились глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тихо, недвижна стала... [17]

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.

Им навстречу, громко воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру!—

Братья молвили,—печали
Не минувем».
Прискакали,

Входят, ахнули.

Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,

Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было вдом, знать, оно.

Перед мёртвою цоревной
Братья в горести душевной
Все поникли головой

И с молитвою святой
С ловки подняли, одели,
Хороить её хотели

И раздумали.

Она
Как под крылышком у сна,
Так тихо, свежа лежала,

Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.

И в полночную пору
Гроб её к шести столбам

На цепях чугунных там
Осторожно привитили

И решёткой оградли...

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла

И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»

И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,

Ты на свете всех милее
Всех румяней и белее».

За невестою своею
Корольевич Елисей
Между тем по свету скачет.

Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;

К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплой весной,

Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видело ль где-то свете
Ты царевны молодой?
Я женю её».

—«Свет ты мой,—
Красно солнце отвечало:—
Я царицы не видало.

Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц мой сосед,
Где-нибудь её да встретил

Или след её заметил».

Тёмной ночью Елисей
Дождя в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.

«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встань во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,

Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей».

—«Братец мой,—
Отвечает месяц ясный:—
Не видал я деви красной.

На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,

Пробежала».

—«Как обидно!»—
Корольевич отвечал.

Ясный месяц продолжал: Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

«Погоди, об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.

Елисей не унывая
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,

Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.

Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете

Ты царицы молодой?
Я жених её».

—«Постой,—
Отвечает ветер буйный:— Там, за речкой тихоструйной,
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;

В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
Посмотреть ещё хоть раз.

И пошёл к пустому месту,
На прекрасную невесту

Вот идёт, и поднялась
Перед ним гора крутая;

Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.

Он туда скорей идёт.

Перед ним, во мгле печальной,
Гроб кочется хрустальный,

И в хрустальном гробе том
Спит цоревна вечным сном.

И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг

Изумлёнными глазами
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, пронесла:
«Как же долго я спала!»

И встаёт она из гроба...
Azl.. и зарыдали оба.

В руки он её берёт
И на свет из тьмы несёт.

И, беседа приятно,
В путь пускаются обратно...

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим

И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»

И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,

Но царевна всё ж милее,
Всех румяней и белее».

Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбила,
В двери прямо побежала

И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла
И царица умерла.

Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей.

И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. ДУГИН

© Студия «Диафильм»
Госкино СССР, 1982 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7
Цветной 0-80

2-125-82